

MISCELLANEOUS: ЭССЕ, ДИСКУССИИ, СООБЩЕНИЯ

MISCELLANEOUS: ESSAYS, DISCUSSIONS, MESSAGES

УДК 304.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-66-70

Копривица Ч. Д.
перевод **Ряпухиной В. Н.**

ЧЕРНОГОРЦЫ

Копривица Часлав Д., доктор философских наук, профессор. Белградский государственный университет
ул. Йове Илича, 165, г. Белград, 11000, Республика Сербия. e-mail: caslav.koprivica@fpn.bg.ac.rs

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент. Белгородский государственный
технологический университет им. В.Г. Шухова. ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. e-mail: viktorer_r@mail.ru

Аннотация: Статья выполнена в жанре политологического эссе и посвящена одному из наиболее острых вопросов истории самоосвобождения и государственного сплочения сербов. Черногория, как обосновывает автор, есть экзистенциальное и символическое начало этой истории; именно поэтому попытки осуществить «пересмотр ценностей» и идентифицировать черногорцев как не сербов (или даже «антисербов») в новейшей постюгославской истории Балкан являются опасным прецедентом, угрожающим историческому единству сербского мира. В статье описываются основные сюжеты новейшей «переоценки ценностей» в отношении черногорской этнополитической идентичности; отмечается, что миссия Черногории всегда заключалась в том, чтобы быть ядром сербского единства, а не разъединения. Попытки переистолковать эту миссию, рядоположить разные интерпретативные практики ее понимания, суть не более чем культурная акция, постмодернистское («послесовременное») предприятие, ангажированное извне исторического опыта сербской идентичности, неотъемлемой и уникальной частью которой является идентичность черногорская.

Ключевые слова: Черногория; черногорцы; черногорская идентичность; Сербия; сербская идентичность; пересмотр ценностей; история Сербии; самоосвобождение сербов.

Koprivitsa Ch.D.
translated by
Ryapukhina V. N.

WHO IS MONTENEGRIN?

Koprivitsa Chaslav D. Doctor of Philosophical Science, Full Professor. Belgrade State University
165 Jove Ilica St., Belgrade, 11000, Serbia

Ryapukhina Viktoria Nikolaevna, PhD in Economics, Associate Professor. Belgorod State Technological University named
after V.G. Shukhov, 46 Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia. Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. e-mail: viktorer_r@mail.ru

Abstract

The article is written in the genre of political essay devoted to one of the most pressing questions of the history of Serbian self-liberation and national consolidation. As the author proves, Montenegro has an existential as well as symbolic beginning of the Serbian history; that is why all the attempts to implement "revision of values" and identify the Montenegrins as a very special or even anti-Serbian entity in the recent history of the postmodern Balkans are deeply dangerous. It is an extra precedent threatening the free spiritual unity of the Serbian world. The author of the article describes the main themes of modern "reevaluation of values" of Montenegrin identity and notes that Montenegro's mission has always been to be the core of Serbian unity, not a corpus separatum. Attempts to reinterpret this mission as one of the different interpretive practices are nothing more than a postmodern attempt of identity construction based outside the historical unity of the Serbian identity, i.e. the identity of the Montenegrin as an integral and unique part of identity of all Serbs.

Keywords: Montenegro; Montenegrin identity; Serbia; the Serbian identity; revision of values; the history of Serbia; Serb self-liberation.

Мы живем в то время, когда изо дня в день напоминает о себе нищевский игровой мотив *переоценки всех* (или почти всех) *ценностей*. Этот мотив звучит не только доктринально, из некоторой притягательной метафизической глубины. Им до слез наперчено и пропитано все живое; его жгучее обаяние дает себя знать повсюду – во всем особенном символическом тумане повседневной жизни, в котором возникают новые силуэты, прежде немислимые и недостойные, и оказывается размытым и малопривлекательным всё прежде бесспорное. В нашей новой сербской общности – или, лучше сказать, *разобщенности*, сильнее всего впечатляет стремительная переоценка и умаление былого достоинства тех, кого мы издавна именуем Черногорцами. Немногие из них, нынешних, выживших в едкой, головокружительной ауре бесчинств своих «дуклянских» собратьев (к сожалению, не только власть имущих), – не позабыли о том, что они Сербы; они со стыдом наблюдают за «ценностным поворотом» в Черногории¹. Гонимой в Черногории оказывается Сербская Православная Церковь, и создается шовинистическая антицерковная секта, в которую входят люди, давно лишённые духовного сана, – именующие себя Черногорской Православной Церковью. Разгораются албанские политические симпатии, которые становятся тем сильнее, чем сильнее оказывается неприязнь к Сербии (а с некоторых пор и к России). Сербы, жившие вдали от Черногории, всегда восхищались подлинно сербской отвагой и величием этого сербского края, его неукоснительной приверженностью сербским идеалам; сейчас на смену восхищению пришли

¹ В 1997 году началось выявление «альтернативной», не сербской идентичности Черногории: было возрождено античное, римское название части современной Черногории (Диоклетия), которое в язык переселенцев-славян вошло как «Дукля». Основы этого довольно странной квазиримской реконструкции черногорской идентичности были заложены аутсайдерами югославского научного сообщества еще в семидесятых годах XX века и тогда же поддержаны отдельными представителями черногорской коммунистической элиты. В 70-х это выглядело забавно, но к концу 90-х не признанные научным сообществом, позиционировавшие себя уже как антикоммунисты искатели несербской идентичности стали радикальными антисербскими шовинистами и основали одиозно-фарсовую Дуклянскую академию науки и искусств. С тех пор в политическом жаргоне черногорских сербов понятие «дуклянин» употребляется как уничижительное обозначение тех национально фрустрированных черногорцев, которые придерживаются антисербских политических взглядов.

горечь и негодование. Те же, кто некогда страшился сербского величия Черногории, сменили страх на презрение и насмешку; впрочем, им невыразимо приятен черногорский игровой «поворот».

Как дошло до этого? Председатель черногорского правительства Мило Джуканович решил продолжить дело Милована Джиласа² – расторгнуть договор о союзе Черногории и Сербии в рамках Союзной Республики Югославии. Нет безупречных юридических версий, объясняющих это решение; в символическом тумане заметны только силуэты игры – переоценки недостойного в достойное, преобразования личной выгоды в антисербский интерес (поговаривают, будто Джуканович принял это решение, тайно встретившись с некими представителями Запада в то же время, когда против него велся судебный процесс в Италии, где его уличали в котрабанде табака). Воспрепятствовать Джукановичу пытался тогдашний президент Черногории Момир Булатович, но трудно тягаться с человеком, для которого важнее всего личная выгода. Противостояние завершилось на президентских выборах в январе 1998 года: после первого тура Джуканович сокрушительно отставал от лидера, и тогда – между первым и вторым туром президентских выборов! – тысячи имен были внесены в списки избирателей. Выборы изобиловали нарушениями, но игра есть игра: Мило Джуканович был признан победителем. Изначально Джуканович в своей риторике делал упор на «защиту интересов Черногории» от самовластия Белграда, олицетворяемого Слободаном Милошевичем, который, кстати сказать, имел черногорское происхождение и по отцу, и по матери. Джукановичу весьма

² Милован Джилас, второй человек в Коммунистической партии Югославии (КПЮ), родом из Черногории, был идейным творцом концепции «черногорской нации», в соответствии с которой в ходе первой после Второй мировой войны переписи населения все православные, проживающие в Черногории, директивно были провозглашены «этническими» черногорцами. Впоследствии Милован Джилас известен как самый влиятельный диссидент в истории КПЮ, который в начале 50-х гг. выступил с критикой недемократических девиаций партии, за что был приговорен к тюремному заключению, во время которого он осознал свою ошибку относительно «черногорской нации». До конца своей долгой жизни этот идейный родоначальник теории несербской Черногории осуждал эту концепцию и умер как убежденный серб. Зачатки идеи о черногорской нации возникли до Джиласа, в коминтерновских кругах.

симпатизировала сербская оппозиция, которые видела в нем «борца за демократию». Но «пересмотр ценностей» шел вполне последовательно: после всплеска антисербского шовинизма и начала процесса навязывания идеи несербской идентичности Черногории и черногорцам стало ясно, что демократия, «народовластие» – ценность, которую нужно пересмотреть в пользу самовластия. После перемены власти в Сербии 5 октября 2000 года (политической ликвидации Слободана Милошевича) Джуканович, наконец, обнародовал свою цель – «независимая Черногория». В ходе переговоров между Белградом и Подгорицей последняя была абсолютной западной фавориткой. Широкая сербская оппозиция в Черногории устойчивым образом игнорировалась Западом, а в ходе проведения референдума в мае 2006 года, когда Запад сквозь пальцы смотрел на участие в голосовании тысяч «мертвых душ» и лиц, не являющихся гражданами Черногории, десятки тысяч проживающих в Сербии черногорских граждан были лишены права участия в референдуме. Так под протекторатом Запада, вовлекаемая в игру ценностей и престолов, Черногория умирала свою сербскую индивидуальность. Поворот совершился: «независимая Черногория» была создана.

Началась другая игра. Деградация сербской индивидуальности здесь совершилась менее чем за двадцать лет и по своей скорости и радикальности оказалась одной из самых страшных за всю историю сербского народа. Далеко не все сербы-черногорцы опустили руки, но все же впадшая в независимость, «эмансипированная» от своей исторической памяти, неповторимого своего лица и самого своего исторического сербского существа Черногория с каждым днем становилась и становится все менее сербской и – в силу необходимости – все менее черногорской.

Чем же, однако, был некогда древний край – «Черная гора», – что было искони безусловным отличием черногорцев? Черногорец, исторически, – это средневековый «динарский»³ серб,

³ Динара – это гора в некогда существовавшей непризнанной республике Сербская Краина, которая сегодня входит в состав Республики Хорватия. Немецкие антропологи в XIX столетии ввели расово-антропологический тип «динарец», который охватывал население горных территорий сегодняшней Хорватии, целой Боснии и Герцеговины, Черногории и Западной Сербии. Динарцы – высокие, ширококостные, мощного телосложения, темпераментные и готовые к борьбе, хотя это можно считать характеристикой

отстаивавший свою сербскую идентичность, свой край земли вопреки кажущемуся всевластию Османской империи. Этот сербский край – территория сопротивления и свободы у подножия горы Ловчен, на Которском заливе – не был жестко устроенным автономным государственным образованием. Смежным и опорным для этого края было самобытное государство Зета, которое сербы по-соседски успешно обживали; при этом не возникало никакой «неясности» относительно своего положения ни у зетских, ни у вольных ловченских сербов, ни у иных сербских племен, ведших успешную освободительную борьбу⁴. Само же имя «Черная гора» («Черногория») появляется только в 1496 году в летописях *юго-западных сербов*, спустя почти столетие после того, как необратимо завершилась история древнего государства Зета. Во вновь появившемся имени как будто присутствовал отголосок некоего суеверия – чувства, что не надо по имени «покойного», который хотя и героически, но все же печально завершил свой жизненный путь, называть «новорожденного». Впрочем, вряд ли стоит искать в новом имени особую мистическую дальновидность воюющей братии Ловчена; здесь

всех сербов, а также представителей тех народов, которые тем или иным образом сформировались в процессе «эмансипации» сербов (хорваты, «бошняки» (сербы мусульмане) и «черногорцы»).

⁴ У сербов, пришедших на Балканы во времена переселения славян и смешавшихся с коренными жителями этого полуострова (иллирийцами, кельтами и другими), даже в средние века частично сохранились племенные социально-психологические структуры, а падение сербского государства и начало периода турецкого ига стало отправной точкой процесса ретрибализации, обусловленного возникновением пробелов после разрушения общественного уклада, характерного для средневековой жизни сербов. Вследствие этого произошло восстановление старых и возникновение новых племенных структур и иерархий, которые существовали параллельно с социальными институтами, навязанными турецкими завоевателями, и, очевидно, представляли собой реальную базу для повсеместного сопротивления. Надо полагать, что с наибольшим успехом это восстановление шло на территории у горы Ловчен – в месте первого организованного, принявшего острейшую форму и достигшего своей цели сербского антитурецкого сопротивления. Интересно, что в Черногории и по сей день существуют представления о приблизительной географии межплеменных границ, как и остатки воспоминаний о племенной принадлежности, которая, между тем, является достаточно условной. В процессе исторической эволюции черногорского государства в XIX веке племенные структуры теряли свое значение, а сегодня дают себя знать преимущественно в фольклорных реминисценциях, благодаря которым каждый в Черногории осведомлен, к примеру, насчет того, насколько представительной в социально-племенной традиции является его семья.

трудно говорить и о каком-либо осознанном стремлении к государственному «дисконти-нуитету», поскольку Зета, без сомнения, являлась автономным княжеством, а то, что сформировалось как «Черная гора», являлось отвоёванным мечом и обгаренным кровью клочком земли, где, по словам Петра Петровича Негоша, жили в состоянии «ужасной свободы», сохранению которой постоянно что-то грозило.

Исконная Черная гора не была государством, но стала им – по мере осуществления исконной и общей цели всех сербов, стремившихся к свободе и единству. Создание Черной горы являлось закономерной промежуточной стадией развития общей сербской государственности; ее собственная государственность ни в коем случае не являлась самоцелью. Черногория воплощала в себе *новое начало*: исконная средневековая «Черная гора», была *то сербское, что уже больше не было «и» турецкое*, т. е. не подчинялось туркам. С самого начала силы были неравны; было неясно, как долго сохранится эта уникальная территория сербской свободы. Но зажглась и со временем разгорелась искра надежды на то, что эту свободу удастся сохранить, миновать удара судьбы, который постиг, к примеру, требешан – племя, которое проживало в окрестностях современного города Никшич и в XVI в. подняло крупное и поначалу также достаточно успешное восстание. Для *черногорской территории свободы* были характерны два основных устремления: как можно дольше держать оборону и как можно больше расширить свою территорию, во вред туркам и на пользу угнетенным сербам (ловченская братия, между прочим, начала поглядывать и в сторону сербских областей, находящихся под властью Венецианской республики). С самого начала возникновения черногорской территории свободы сербы-черногорцы очень хорошо понимали, что нужно не только защищать и оберегать свою свободу, но и исполнять миссию освобождения других: соседей, родственников, друзей и знакомых, – постепенно всех сербов, где бы они ни жили и под чьей бы властью не находились. Исторически Черная гора или, позже, Черногория – это территория не только самозащиты, сопротивления внешнему игу собственными силами, но и организации неустанной борьбы за освобождение поработанных сербских собратьев.

То, что «черногорцы» освобождали «сербов», не следует понимать как историю о двух якобы разных народах, где «доблестный» народ

освобождал другой, менее «доблестный». Речь идет о том, что освободившиеся сербы стали или становились «черногорцами» уже в силу своей свободы, вследствие священной для них освободительной борьбы; это было своего рода наглядным символическим дополнением к их сербской идентичности. Летопись освободительных войн, которые вела Черногория в XVIII и XIX веках показывает, как расширение Черногории расширяло круг тех, кто становился «черногорцем», никогда при этом не переставая быть сербом. Верно также и обратное: «черногорцы» считали своей первостепенной миссией освобождение сербов потому, что сами, прежде всего и помимо всего, были и оставались сербами; в противном случае угнетение остальных сербов трогало бы их примерно в той же степени, как факт порабощения болгар. Они, завоевав свободу, стали «черногорцами», т. е. свободными сербами, с некоторой символической яркостью переживая свою свободу (подобно тому как в 1940 году голлисты «Сражающейся Франции» стали ненадолго символически «свободными французами»).

Тяготы долгого порабощения привели к тому, что свобода стала *differentia specifica* для сербов, – но не так и не для того, чтобы когда-нибудь это стало основой разделения соотечественников, людей одной сербской крови, где бы они ни жили⁵. Но именно в современной постсербской и антисербской Черногории свобода признается привилегией будто бы и не сербов – «дуклян». Впрочем, свободны ли они? Им, возгордившимся и забывчивым, ни к чему пример Крита: как же, жители его, первыми освободившиеся от турецкого ига, не сообразили, что они-то на самом

⁵ После вступления Черногории в Королевство сербов, хорватов и словенцев (будущее Королевство Югославия) в Черногории возникло федералистское движение; его главной целью было получение для края статуса федеральной единицы в составе единого государства. Необходимо иметь в виду, что федерализм в Черногории имел автономистский, а не сецессионистский характер, и его сторонники никогда не ставили под сомнение тот факт, что черногорцы являются сербами. Более того, сторонники данного движения всегда гордились тем, что в XIX столетии на просторах всех населенных сербами территорий бытовало мнение о черногорцах как о «цвете сербского народа». Когда в Цетинье, главный город Черногории, пришла весть о том, что 13 июля 1878 года в Берлине Черногория «признана» как государство, женщины принялись причитать, а мужчины отложили в сторону оружие как во время траура и проявляли видимые признаки скорби. Для черногорцев того времени это был крах мечты о «возрождении сербского царства», ради которой они жили столетиями. Тот скорбный день в современной Черногории провозглашен государственным праздником.

деле не греки, а «критяне»! Критян не обременяет необходимость признавать родство с греками, хотя, между прочим, они для этого они имеют куда больше языковых и этноисторических оснований. И никто – подумать только, никто из критян! – не догадался «реставрировать критскую государственность» так, как ее «реставрировали» в Черногории в 2006 году: никто никоим образом не додумался заклеить древнегреческих «оккупантов» так как в Черногории, где отнюдь не свободные сербы, а обособившиеся от истории и здравого смысла сербы-безумцы упорно называют средневековым «оккупантом» Стефана Неманю, родоначальника сербской монархической династии, венцом деятельности которой стало создание в XIV столетии Сербской империи во главе с царем Стефаном Душаном.

Черногория с самого начала была – не потому, что она была так задумана, «спроектирована», а потому, что так сложилось исторически – подлинным оплотом свободы сербов. Поэтому «черногорец» никогда не было именем-этнонимом, это было спонтанное, ситуативное именование серба, который временно находился в лучшем («государственном») положении, нежели его поработанные товарищи. Если бы каким-то образом исконная Черногория самостоятельно завершила историческую миссию освобождения всех угнетенных сербов, современное сербское государство, как ни покажется это невероятным черногорским националистам, называлось бы Черногорией. В ходе исторического развития части сербской старой Герцеговины стали Черногорией, и это, в понятии того времени, было счастливым воссоединением герцеговинских сербов с самой сербской частью сербского народа. Если бы осуществился план боснийско-герцеговинского восстания черногорского князя Николы Петровича в 70-х годах XIX столетия, возможно, что сегодня и восточная Герцеговина, целиком или частично, была бы Черногорией... Но судьба, постигшая Черногорию, была иной. В Первой мировой войне Черногория потерпела военное поражение, и Королевство Сербии выполнило миссию объединения всех сербов без Королевства Черногории, что стало, вероятно, величайшей фрустрацией черногорцев в XX веке и после Второй мировой войны проявилось в возникновении некой несербской, а впоследствии уже антисербской черногорской национальной идеи.

Сегодня название исторической Черногории необоснованно, узурпаторски используется для обозначения той современной «Черногории», в которой осуществляется «дуклянизация» – политический инжиниринг особой черногорской идентичности. С исторической Черногорией эта современная, небывалая Черногория имеет только общую территорию и омонимическое тождество имен. Произвольно провозглашенная, не имеющая, по существу, никакой реальной исторической основы в черногорском прошлом «черногорская идея» является опасным и противоречивым *постмодернистским анахронизмом*. Постмодернистки прихотливо выстраивается идентичность, которая не имеет никакой исторической, ценностно-позитивной или хотя бы территориально обоснованной связи с тем, к чему она апеллирует; анахроничность этой постмодернистской акции заключается в том, что черногорская государственность в своей исконной форме предшествует государственности собственно сербской, – являясь, стало быть, временным историческим уточнением последней. Как это хорошо понял и разъяснил Петар Петрович Негош, сербский народ в самом начале истории своего освобождения поместил колыбель своей государственности в Черногории – не для того, чтобы она там осталась навсегда, а тем более не затем, чтобы это временное явление сделать постоянным, лишить идентичности то, что было основой и причиной существования исторической, аутентичной в нравственном смысле черногорской идеи. Как этническая и национальная эта идея была однозначно невозможна.

Сейчас трудно представить себе новое общесербское государство, в котором воссоединились бы политически разъединенные сербские земли, да и стоит ли в данный момент? Но не праздное занятие – историческая истина, живая правда единого сербского народа. Его можно назвать прямым его именем, как народ сербский; можно именовать и героико-метафорически, черногорцами. Не стоит только погружать историю народного самоосвобождения в переливчатый и едкий, ослепляющий постмодернистский *туман* «переоценки ценностей» – становиться брейгелевскими слепыми, нелепыми странниками истории, не замечающими смертельной, разверзающейся перед ними исторической бездны.